

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 4.

15 ФЕВРАЛЯ

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 297-55.

Безобразова М. О. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бляевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушкинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Нуринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэкъ. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахѣева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Ц. въ папкѣ 80 коп.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Allegro. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣлается уступка въ 20%.

На выставѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. Книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Февраль № 4.

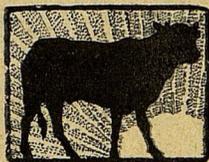
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Жизнь Хитролица—*П. Соловьевой*. Рисунки *Рабье*. (Продолженіе).
2. Широкая масляница—*Н. Манасеиной*.
3. Лѣнивая невѣста—стихотвореніе *А. Насимовича*.
4. Въ школу—разсказъ *Н. Миронова*.
5. Чеховъ—*П. Мамаева*.
6. Исторія воздухоплаванія—*Л. Егорова*. (Продолженіе).
7. Кометы—*Е. Львова*.
8. Вѣсти отовсюду.
9. Почта „Тропинки“.

Жизнь Хитролиса.

(Приключеніе четвертое).

Какъ Изенгрину было вѣжливо отказано въ его просьбѣ.

Съ добычею домой явился Хитролисъ.

Онъ издали кричалъ: „Что, вѣрно заждались?“

И съ лисенятами спѣшила Эрмелина

Почтительно встрѣчать отца и господина.

Видь серебристыхъ рыбъ въ восторгъ семью привель.

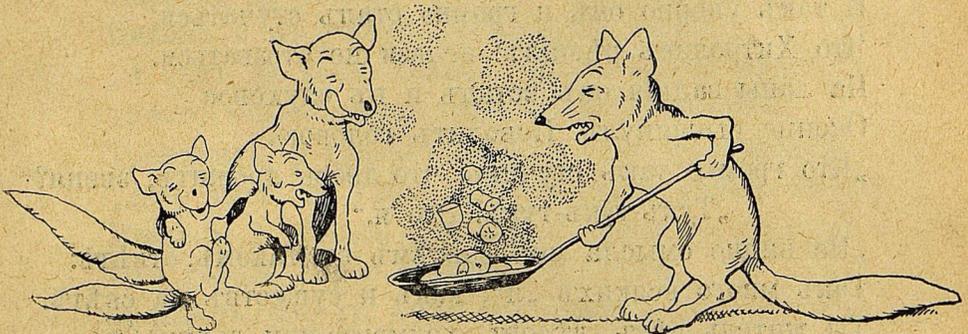
„Да какъ же ты досталъ, да гдѣ же ты нашель?“

Кричали сыновья и съ радостью великой

Они вокругъ отца скакали въ пляскѣ дикой.

„Ташите щепокъ, дровъ. Огня, огня скорѣй!“

Очистивъ, разрубивъ, зажарили угрей.

Приправу сдѣлали превкусно, въ должной мѣрѣ

И сѣли ужинать. Прикрыли плотно двери,

Чтобъ вѣтеръ не влетѣлъ полунощный, холодный,

И не явился гость нескромный и голодный.

Былъ счастливъ Хитролисъ, что рыбы раздобылъ,

Но надо вамъ сказать, что голодъ истомилъ

Въ ту зиму всѣхъ звѣрей, и зубы класть на полку
Пришлось и дядюшкѣ, почтеннѣйшему волку.
Отъ Хитролисиной поблизости усадьбы
Бродилъ онъ въ поискахъ, кого хоть покусать бы,
Какъ вдругъ пріятный паръ его коснулся носа.
У Хитролиса пиръ, не можетъ быть вопроса!
Такъ пахнетъ жаренымъ заманчиво и сладко.
Въ окошкахъ виденъ свѣтъ; оправдана догадка.
Они за ужиномъ: надъ крышею дымокъ.

Тихонько онъ: „Токъ! Токъ!“

Глубокое молчанье.

Минута ожиданья.

Сжавъ лапу въ кулачекъ,

Онъ снова: „Токъ! Токъ! Токъ!“

Не слышенъ развѣ стукъ?

Сильнѣе: „Тукъ-тукъ-тукъ!“

И такъ упорно онъ и громко сталь стучаться,
Что Хитролисъ рѣшилъ: нельзя не отозваться.
На лапы заднія онъ всталъ и въ слуховое
Оконце выглянулъ. Поводить головою.

„Кто громко такъ стучитъ, что дверь дрожитъ, звеня?“

„Тукъ-тукъ-тукъ! Это я.“

„Не видно смысла мнѣ совсѣмъ въ такомъ отвѣтѣ:
Такъ много всякихъ „я“, какъ и существъ на свѣтѣ.
Ты житель рѣкъ, лѣсовъ, холмовъ или долинъ?“

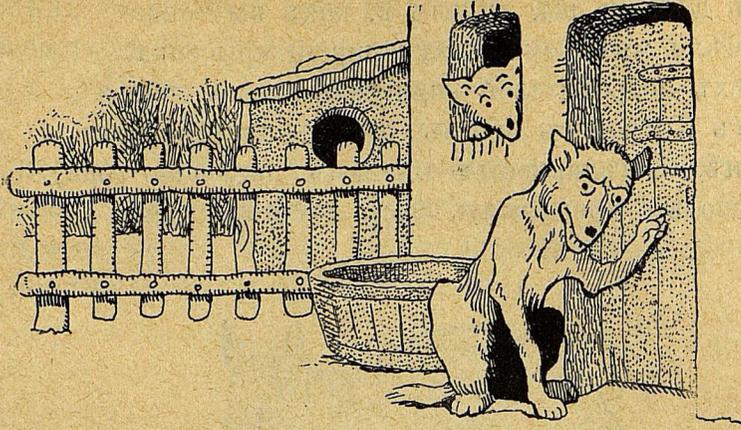
„Я всѣмъ извѣстный волкъ, твой дядя, Изенгринъ.
Родныхъ не узнаешь съ которыхъ это поръ?“

„Простите, дядюшка, я думалъ—это воръ“.

„Пренепріятныя случаются ошибки!“

А вы за ужиномъ? Я слышу запахъ рыбки.

Къ вамъ съ новостями я, ихъ сообщу за пищей.“

„Такъ, значить, вы ко мнѣ приходите какъ нищій?“

„Вотъ вздоръ! Я новости хочу вамъ сообщить,

А кстати, какъ родня, и ужинъ раздѣлить

Лишь изъ любезности: нужны мнѣ рыбы кости!“

„Да, да, но знатные у насъ сегодня гости,

Никакъ я не рѣшусь обезпокоить ихъ“.

„А какъ да какъ, скажи, зовуть гостей твоихъ?“

„Какое можетъ быть вамъ дѣло до названья!

Тревожить, я сказалъ, нельзя ихъ; до свиданья“.

„Ахъ нѣтъ, не уходи, постой, племянникъ милый!

Немного я усталъ, дай мнѣ собраться съ силой.

Отъ голода давно кишки мои поютъ.

Я ждалъ, что ты меня накормишь, дашь пріютъ.

Охотиться я сталъ, охотился безъ срока,

Ни мухи не поймалъ; итти домой—далеко.

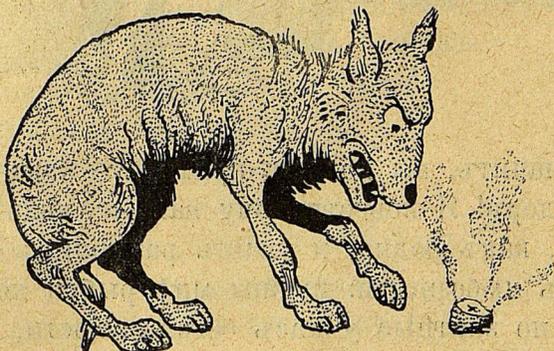
Вѣдь отъ тебя до насъ, и въ холодъ—путь огромный.

Какъ видишь, я стою голодный и бездомный.“

„Ахъ, дядюшка, зачѣмъ такъ много тратить словъ?

Вѣдь съ радостью всегда я вамъ помочь готовъ.

Иль думаете вы, забылъ я, какъ вы тонко
Сумѣли мнѣ помочь, зажаривши крысенка?
Всѣхъ добродѣтелей—признательность основа“.
Тутъ Хитролисъ исчезъ, потомъ явился снова.
„Мнѣ, благодарностью къ вамъ, дядюшка, горя,
Позвольте предложить вамъ ломотокъ угря“.

Кусочекъ маленькій онъ бросилъ изъ окошка.
„Не церемоньтесь же: вѣдь это—просто крошка“.
И правда, былъ кусокъ такъ безконечно малъ,
Что волкъ лишь разъ глотнулъ и губы облизалъ.
„По вкусу ли пришлось вамъ наше угощенье?“
„О да, но я хочу, чтобъ было продолженье“.
„Ахъ, что вы, дядюшка! Вы эти мысли бросьте.
Иль вы не помните: вѣдь у меня же гости!
Хоть малъ подарокъ мой, ужъ вы не обезсудьте.
Вѣдь дорога любовь, вы это не забудьте.
Крысенокъ тощенькій былъ тетей мнѣ зажаренъ,
Но я до сей поры душой вамъ благодаренъ“...

Велѣдъ за кускомъ угря насмѣшку проглотилъ
Несчастный Изенгринъ и злобу затаилъ:

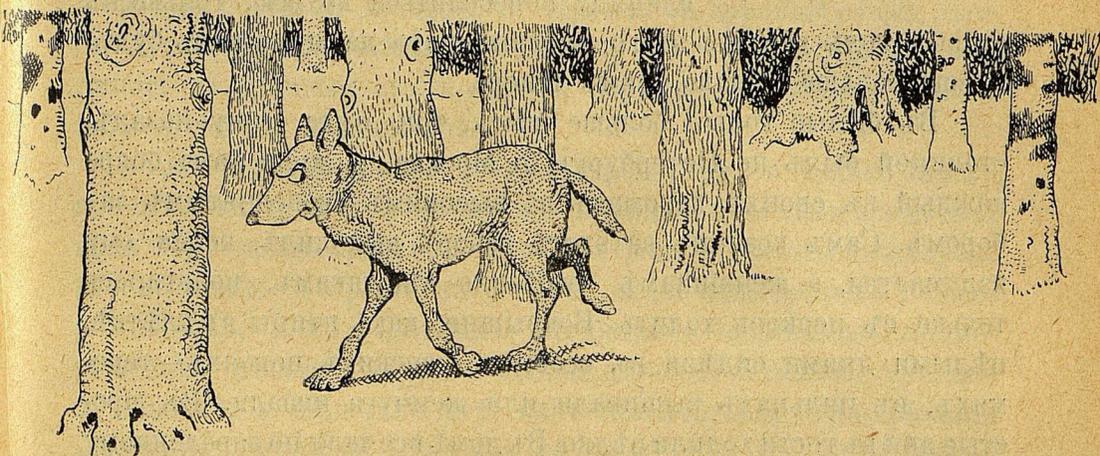
Пугаетъ зимній холодъ,

Пугаетъ долгій голодъ.

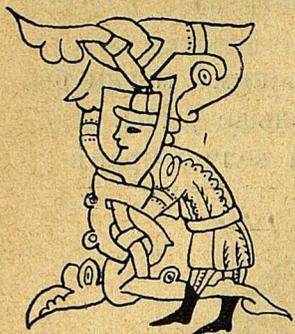
А шельма—Хитролись придумчивъ: съ нимъ могли бы
Вдвоемъ они, какъ разъ, достать побольше рыбы.

При этой мысли волкъ сдержалъ свой волчій нравъ
И поплелся домой, несолоно хлебавъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Широкая масляница.

ЕСЕЛЫЙ праздникъ масляница! Звенять бубенчики, по улицамъ народъ катается, на площади балаганы сколочены, да качели понастроены, повсюду лотки съ лакомствами поразставлены. Въ каждомъ домѣ блины; ходятъ ряженные. И это изстари на Руси ведется, чтобы на масляницу повеселиться во всю. Только въ старые годы веселья этого масляничнаго да шума какъ будто и еще больше бывало, чѣмъ теперь.

Въ былые годы, больше чѣмъ три вѣка тому назадъ, столицей былъ не Петербургъ, а Москва, и жили тамъ бояре каждый въ своихъ хоромехъ за высокимъ бревенчатымъ заборомъ. Самъ хозяинъ за этотъ заборъ выходилъ, когда ему вздумается, а женщинамъ, особенно дѣвушкамъ, полагалось только въ церковь ходить. Боярышни, какъ птицы въ клѣткѣ, цѣлыми днями сидѣли въ особыхъ женскихъ покояхъ—теремахъ, въ пяльцахъ вышивали или жемчуга низали. Въ простые дни въ гости ходили рѣдко. Въ домѣ все шло по заведенному порядку. Одинъ день, какъ другой, все по положенью. А ужъ скука—не приведи Господи!

Но вотъ наступала масляница, и все мѣнялось. Однообразію и скукѣ приходилъ конецъ.

Въ первый же день ребяташки сговаривались, на чьемъ дворѣ строить гору. Веселая это была работа. Ребяташки работали, а сами скороговорочкой, безъ умолку въ голосъ приговаривали:

„Звалъ, позывалъ честной Семикъ широкую Масляницу къ себѣ въ гости во дворъ. Душа ль ты, моя Масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣльце! Приѣзжай ко мнѣ въ гости на широкъ дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ повалаться, сердцемъ потѣшаться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Ужь ты ль, моя Масляница, красная краса, русая коса, тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка! Приѣзжай ко мнѣ перепелочка!—Выѣзжала честная Масляница, широкая боярыня на семидесяти семи саняхъ козырныхъ, во широкой лодочкѣ, во великъ городъ пировать. Какъ на встрѣчу Масляницѣ выѣзжалъ честной Семикъ на салазочкахъ, звалъ широкую боярыню во тесовый теремъ, за дубовый столъ. Вошла честная Масляница къ Семику во тесовый теремъ, сядилась за дубовый столъ, душой потѣшалась, умомъ повеселялась, рѣчью наслаждалась“.

Такъ приговаривали ребята, строя гору, и только одинъ кончить, какъ другой съ начала начинается, и такъ все время, пока гору не выстроятъ. А какъ выстроятъ—кататься начнутъ, кто на чемъ: и просто на ногахъ, и на скамеечкахъ подмороженныхъ, и на ледянкахъ. Ледянками назывались подмороженныя рѣшета, на нихъ больше дѣвочки катались. А только и дѣвочки, и мальчики всѣ, какъ скатываются, одно кричали: „Масляница пришла! Широкая на дворѣ!“ И отъ этого одного крика ребячьяго, звонкаго да радостнаго всѣмъ уже веселѣе на душѣ становилось. Накатаются ребятинки до сыта, накричатся такъ, что охрипнуть, поозябнуть, проголодаются—домой побѣгутъ блины ѣсть. Ихъ съ самаго понедѣльника въ каждомъ домѣ пекли, и въ каждомъ домѣ хозяйка особый способъ знала, какъ блины ставить, да какъ ихъ печь и другимъ его не выдавала.

Стряпуха выходила ставить опару во дворъ, когда мѣсяць

взойдетъ. Въмѣсто воды набирала чистаго снѣга, а растворяя муку, приговаривала:

„Мѣсяць ты мѣсяць, золотые твои рожки, серебряные твои ножки! Загляни въ окошечко, подуѣй на опару!“

Считалось, что если мѣсяць заглянетъ въ горшокъ, блины выйдутъ бѣлые да рыхлые.

Первые блины шли всегда нищей братіи, на поминъ души усопшихъ. Нищіе такъ и ждали возлѣ домовъ, когда начнутъ запекать блины. Стояли да приговаривали: „Блинъ да лепешка, кладись на окошко!“ Веселье и гости начинались со вторника. Этотъ день такъ и назывался—„заигрышь“. И въ весельѣ, какъ и во всемъ укладѣ старинной жизни, былъ свой порядокъ.

Въ заигрыши хозяйка съ хозяиномъ утромъ держали совѣтъ о томъ, какъ проводить праздничные дни: кого въ гости звать и на какой день, чѣмъ подчивать, когда и куда самимъ пойти. Послѣ этого хозяйскаго совѣта снаряжалась въ путь бабушка—позыватка. Раньше чѣмъ со двора выкатиться, долго шушукалась бабушка съ хозяйкой. И какихъ только наказовъ не давалось старушкѣ. Надо было побольше о другихъ узнать, о своихъ лишняго не наболтать. Въ бабушки-позыватки не всякая старушка годилась. Выбирали самую умѣлую.

Наряжалась такая бабушка, смотря по дому, и важности набиралась тоже, по хозяевамъ глядя. Изъ богатыхъ домовъ бабушки-позыватки выкатывались такія, что каждый встрѣчный, и, нехотя, а дорогу имъ уступалъ. Изъ домовъ побѣднѣе и бабушки поскромнѣе ходили. И приемъ бабушкамъ разный былъ, и угощенье не одинаковое.

Вкатывалась бабушка-позыватка въ домъ и перво-на-перво пояснымъ поклономъ хозяевамъ честь отдавала и величала ихъ по имени, по отечеству, поклоны передавала, а потомъ уже говорила:

— Приказали васъ покорно просить: на вечеръ посидѣть, съ ледяныхъ горъ на саночкахъ-самокаточкахъ покататься, на красныхъ дѣвухекъ поглядѣть, блиновъ откушать.

Полагалось не сразу принимать приглашеніе. Для начала принято было отказываться: говорили, что и напрасно беспокоятся, что и звать ихъ совсѣмъ не слѣдовало, а бабушка-позыватка въ отвѣтъ увѣряла, что безъ приглашаемыхъ и пира не будетъ, а безъ ихъ боярышень и дѣвичье веселье пропадетъ. Но все это было такъ себѣ, серьезное начиналось съ вопроса бабушки:

— Что же прикажете сказать?

Здѣсь бывало два отвѣта, или: „Кланяемся хозяину съ хозяйкой, съ дѣтками, со всѣми домочадцами, дѣтокъ своихъ пришлемъ и сами побываемъ непременно“. Или: „У насъ у самихъ горы состроены, блины напечены, у самихъ гости прошены“.

Это уже былъ настоящій отказъ, и бабушкѣ-позываткѣ ничего больше не оставалось, какъ уходить.

Если же приглашеніе принималось, бабушку-позыватку, усаживали, угощали, а за угощеньемъ старались вывѣдать у нея и какіе гости званы, и въ какихъ кто нарядахъ будетъ, и какіе женихи придутъ смотрѣть на дѣвичьи игры. Много нужно было хитринки, чтобы, угощаясь, не сказать чего лишняго, а самой все, что нужно, вывѣдать. Крѣпилась бабушка-позыватка изо всѣхъ силъ, во всю изворачивалась. Со двора бабушка шла уже съ гостинцами. Ей въ ширинку всякихъ заѣдокъ накладывали, и катила она дальше. Гдѣ обласкаютъ, гдѣ изобидятъ отказомъ, бабушка все, какъ положено, принимала, на все свой отвѣтъ и привѣтъ давала. Къ вечеру возвращалась домой, какъ пчела, отяжелѣвшая отъ цвѣточнаго сбора, вся нагруженная новостями, собранными по чужимъ

домамъ. Начинались рассказы, и чего-чего только не рассказывала бабушка. Ей и вѣрили и не вѣрили, но на все охали, ахали, просили еще рассказывать.

Боярышня XVII вѣка.

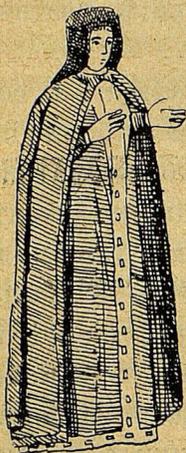
Въ положенный день съ утра готовились принимать гостей. Сестрицны братцы вмѣстѣ съ товарищами хлопотали съ горой, поливали ее водой, подмораживали санки для катанья. Дѣвушки вынимали изъ сундуковъ и примѣривали матушкины наряды. Онѣ отправлялись въ гости съ нянюшками засвѣтло, чтобы успѣть вволю съ ледяныхъ горъ накататься. Когда дѣвушки катались, ворота запирались крѣпко-на-крѣпко и во дворъ никого не пускали, даже сестрицныхъ братцевъ, которые гору мастерили.

Къ вечеру съѣзжались приглашенные, родители боярышень. Какъ бы близко не жилъ одинъ бояринъ отъ другого, пѣ-

шкомъ въ гости онъ не ходилъ, а подъѣзжалъ въ саняхъ. Дѣлалось это изъ важности, да еще, можетъ быть, и потому,

что въ праздничныхъ старинныхъ одеждахъ было ходить тяжело, особенно людямъ немолодымъ и дороднымъ.

И шуба, и кафтаны, особенно праздничные, дѣлались изъ тяжелыхъ добротныхъ матерій, часто изъ парчи, изъ тканей серебрянныхъ и золотканныхъ. И украшенія на одеждахъ были тяжелыя: позументы, золотое кружево, камни драгоценныя, пуговицы огромныя и тоже изъ золота и серебра. Одна шапка чего стоила, да и не одну, а цѣлыхъ три надѣвалъ бояринъ когда собирался въ гости. Сверху домашней „тафьи“ изъ легкой шелковой матеріи надѣвался колпакъ, а на колпакъ шапка бобровая, соболиная или изъ чернубурой лисицы съ головкой изъ бархата, чаще всего вишневаго цвѣта. Такая парадная шапка стояла у боярина дома надѣтая на расписномъ „болванцѣ“.

Боярыня
XVII вѣка.

богатомъ нарядѣ.

Бояринъ XVII вѣка.

И женщины одѣвались не легче мужчинъ. Сарафаны изъ парчи, кокошники изъ бархата съ позументомъ, тѣ же шубы тяжелыя. И чѣмъ толще была боярыня, тѣмъ это считалось красивѣе, тѣмъ больше почета было ей на пирахъ.

Гдѣ ужъ тутъ было пѣшкомъ итти, только бы доѣхать при дородности да еще въ

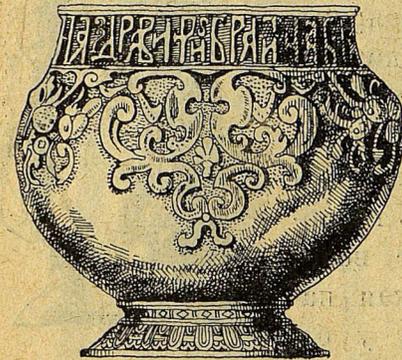
Хозяинъ встрѣчалъ гостей у воротъ, вель ихъ черезъ

дворъ въ хоромы. Здѣсь въ сѣняхъ ихъ принимала уже хозяйка и вела въ горницу.

Начиналось пированье. Гости принимались за блины. Бли ихъ такими горячими, что только масло спасало ротъ отъ обжоговъ. Блины запивали винами заморскими, наливками смородинными, малиновыми да рябиновыми, медомъ бѣлымъ да клюквеннымъ, пивомъ бархатнымъ душистымъ, брагой мартовской.

Покончивъ съ блинами, гости разсаживались вдоль стѣнъ по скамьямъ. На почетныхъ мѣстахъ сидѣли гости постарше.

Рядомъ съ молодыми боярынями присаживались боярышни. Къ этому времени ихъ выпускали изъ терема, но разговаривать имъ передъ старшими не дозволялось, и онѣ перешептывались, прикрывая ротъ платочками-ширинками.

Братина, круговая чаша для братскаго дружескаго пира.

Братцы съ пріятелями и со всѣмъ не садились, а стояли по уголочкамъ да только посматривали. Посреди горницы на столѣ разставлены были всякія угощенія.

И чего-чего только здѣсь не было на оловянныхъ тарелкахъ: и хворостье, и шишки, и орѣхи простые, и орѣхи каленые, и жамки, и пряники, и яблоки разныхъ сортовъ: боровинка, грушевка, опортъ, арапка. Стояли здѣсь яблоки и моченые и сушеные, изюмъ крупный и мелкій, коринка, винныя ягоды, черносливъ заморскій, груши моченныя, сушеная вишня владимірская, варенья разныя: смородинныя, кружевенныя, вишневая, малиновыя; костеника моченая кисточками и брусника. Все свое домашнее, непокупное.

Хозяйка съ поклонами просила гостей всего откусать. Гости благодарили, отказывались, а потомъ ѣли, кромѣ боярышень. Дѣвушкамъ на людяхъ ѣсть помногу не полагалось.

И молодыя боярыни тоже церемонились, особенно, когда хозяинъ подходилъ съ подносомъ и просилъ отвѣдать изъ серебрянаго кубка какой-нибудь наливки. Молодымъ боярынямъ тоже не полагалось ни ѣсть, ни пить на людяхъ. Хорошимъ считалось, если такая боярыня просидитъ въ гостяхъ — рта не раскроетъ, а если и позабавится, то ни чѣмъ другимъ, какъ переборочкой: сложить руки на колѣняхъ, и вертитъ большимъ пальцемъ одной руки вокругъ пальца другой. Только и всего.

И вдругъ въ это чинное боярское пированье, врывалась ватага ряженыхъ.

Впереди всѣхъ шла Бука, вся въ бубенчикахъ, съ лицомъ, вымазаннымъ сажей, съ соломенными руками, на кривыхъ ногахъ и съ рогами на головѣ. За Букой скакала коза въ вывороченномъ тулупѣ и кричала. За козой переваливался съ ревомъ медвѣдь въ лаптяхъ и съ палкою. Рядомъ съ нимъ шелъ поводырь. Баба-яга ѣхала въ ступѣ, помеломъ слѣдъ заметала, костьюлемъ правила.

За ряжеными выступали музыканты съ литаврами, бубнами, рожками, погремушками, трещотками, балалайками. Съ ряжеными начиналось настоящее веселье. Играли музыканты, медвѣдь показывалъ свои штуки: и какъ бояринъ важничаетъ, и какъ малыя ребята горохъ воруютъ.

Среди шума и гама въ толпѣ ряженыхъ показывались „дорожные люди“. Это женихи ходили по домамъ и высматривали себѣ невестъ. Въ рукахъ у нихъ были палки, на плечахъ дорожныя кафтаны, на ногахъ лапти. Лица раскрашенныя, на спинѣ горбы изъ рѣшетъ, длинные волосы и бороды изъ пакли. Хозяева сразу смекали, въ чемъ тутъ дѣло, но, испол-

ная обычай, спрашивали странныхъ людей. „Гдѣ, что слышно? Куда идутъ? Какъ Богъ привелъ сюда?“..

— Слыхали мы, что сегодня у боярина вечеръ красныхъ дѣвушекъ и пришли поглядѣть незваные на потѣшенье дѣвичье,—отвѣчали прохожіе люди.

Хозяева же въ отвѣтъ говорили, что безъ нихъ, странныхъ людей, и веселье не въ веселье.

Ряженныхъ усаживали. Хозяинъ угощалъ и званыхъ и незваныхъ. Играла музыка, ревѣлъ медвѣдь, кричала коза, кто-нибудь пускался въ присядку.

Время близилось къ полуночи. Наугощались, навеселились гости, домой собрались, а хозяинъ съ хозяйкой кланяются въ поясъ, упрашиваютъ еще посидѣть.

— Матушка свѣтъ, батюшка свѣтъ, не все гулять—надо и спать,—говорятъ гости.—Чай, пѣтухи скоро пропоютъ. Прощанье продолжалось безъ конца.

Гости то присаживались, то вставали, все цѣловались: цѣловали и хозяина, и хозяйку, и дѣтокъ и приговаривали безъ конца: „За все благи твои низко челобитье“.

Пѣтухи начинали перекликаться, когда двигались, наконецъ, отъ воротъ сонные поѣзда съ гостями.

А на другой день было пированье въ другомъ домѣ. И такъ до самаго вечера прощеного воскресенья веселилась разряженная въ парчу, шелкъ и бархатъ боярская Русь.

А у простого народа еще больше было веселья, чѣмъ у бояръ за ихъ высокими бревенчатыми заборами.

Тамъ и безъ всякихъ бабушекъ-позыватокъ угощались блинами во всю. Цѣлыми днями безъ умолку скрипѣли качели, тренькали балалайки, разливались залихватскія пѣсни, молодежь скатывалась съ ледяныхъ горъ, въ ушахъ звонъ стоялъ отъ бубенцовъ. Такъ проходила въ старину на Руси широкая масляница.

Н. Манаскина.

Лѣнивая невѣста.

АЯЛЪ разъ женихъ невѣстѣ:
„Будемъ жить, касатка, вмѣстѣ.
„Хлѣбушка у насъ—отрѣжь,
„Въ ротъ клади и ѣшь“.

А другой женихъ невѣстѣ
Баялъ такъ на томъ же
мѣстѣ:

„А у насъ и хлѣбъ не
рѣжь—

„Рѣзаннаго не пріѣшь“.

Вотъ невѣстуска смекала

И второго выбирала:

Дѣскать—съ нимъ и жизнь проста—

Безъ труда буду сыта.

Въ храмъ помчались,

Повѣнчались.

Какъ пришли въ избу, немножко

Обогрѣлись напередъ.

А потомъ женѣ лукошко

Мужъ и подаетъ.

„Хлѣбушка-то нѣтъ,

„Такъ ты рѣзаннаго, свѣтъ,

„Съ этимъ со лукошкомъ

„Посбирай-ка подъ окошкомъ“.

А. Насимовичъ.

Въ школу.

I.

ДѢДЪ послѣ ужина закурилъ трубку и вышелъ посидѣть на завалинкѣ. вмѣстѣ съ дѣдомъ на улицу выбѣжалъ и Лешутка. Ему совсѣмъ не хотѣлось спать.

Завтра Ильинъ день—престольный праздникъ и ярмарка. А главное—сегодня для Лешутки закончилась страдная рабочая пора, и теперь онъ вольный казакъ. На душѣ легко; хочется, не смотря на усталость, сейчасъ же вездѣ обѣгать и все осмотрѣть.

Вотъ ужъ больше мѣсяца Лешутка не ночуетъ дома. Съ утра до вечера жарится онъ на солнцѣ, терпитъ мучительную жажду, принимая дѣятельное участіе въ спѣшной работѣ, которая кипитъ на обширныхъ „барскихъ“ лугахъ. Верхомъ на лошади, онъ бойко подвозитъ копны сухого сѣна къ мѣсту, гдѣ это сѣно мечуть въ стогъ. Вся семья Лешутки, почти поголовно, работаетъ на лугахъ: отецъ косить, дѣдъ и мать работаютъ граблями. Дома, вмѣстѣ съ мухами, остаются только бабушка да Костька, пятилѣтній братъ Лешутки. Цѣлый двугривенный въ день получаетъ Лешутка за свою работу. Онъ уже рѣшилъ, съ одобрительнаго согласія старшихъ, купить къ зимѣ на свои деньги хорошій черный дубленый полушубокъ: довольно щеголять въ бабушкиной душегрѣйкѣ. „На свои деньги куплю,“ часто съ гордостью говоритъ онъ, и отъ этой мысли будущій полушубокъ становится ему вдвое милѣе и желаннѣе.

Дѣдъ сидѣлъ и, не спѣша, курилъ, а Лешутка гонялся въ

темнотѣ за жуками-носорогами, ловилъ и снова пускалъ ихъ съ ладони. На улицѣ все затихло. Кое-гдѣ на завалинкахъ вспыхивали едва замѣтные огоньки трубокъ, и чуть слышно долетали тихіе разговоры. А всего какой-нибудь часъ назадъ надъ селомъ стонъ стоялъ отъ говора и смѣха возвращавшагося съ работъ народа, отъ рева и топота бѣгущихъ съ поля стадъ— въ пыли и въ блескѣ заходящаго солнца. И вотъ, точно не было этой дневной суетни. Тихая іюльская ночь ласково обняла село.

— Дѣдка! что мнѣ купишь завтра на ярмаркѣ?—растянувшись около дѣда на теплой, сухой землѣ, весело крикнулъ Лешутка.

— Да ужъ знаю, что купить. Такую штуку тебѣ куплю, что руками только разведешь... М-да!... Гуляй, братъ, гуляй теперь, бери свое! Скоро опять гулянкѣ-то твоей конецъ. Эхъ, плохи твои дѣла, Лешутка!

Дѣдъ даже вздохнулъ и чмокнулъ губами отъ соболѣзнованія.

— Что глазенки-то вытаращилъ? Думаешь,—вру?

— И ничего-то не будетъ, и ничего-то не будетъ! — неувѣренно запѣлъ Лешутка.

— А вотъ и будетъ!

— Ну что, что будетъ? ну-ка, скажи!

— А то и будетъ, что въ школу тебя отдадимъ; завтра доску съ грифелемъ тебѣ пойду покупать... Вотъ что будетъ. Понялъ теперича?

Лешутка замеръ отъ изумленія. Раскрывъ ротъ и еще больше вытаращивъ глаза, онъ уставился на дѣда. До сихъ поръ онъ ни разу не задумывался надъ тѣмъ, что ему придется когда-нибудь учиться, и, вообще, о школѣ имѣлъ смутное представленіе. Старшихъ братьевъ и сестеръ, которые бы

учились въ школѣ, у него не было. На улицѣ онъ имѣлъ дѣло съ такими же неграмотными малышами, какъ и самъ. Школа находилась отъ Лешуткиной избы далеко, черезъ рѣку, по обоемъ берегамъ которой разбросалось родное село.

— Врешь ты!—вдругъ рѣшительно заявилъ Лешутка.

— Ну вотъ еще, стану я тебѣ врать, грѣхъ на душу принимать,—насмѣшливо заговорилъ дѣдъ, —спроси у другихъ, вонъ бабка идетъ, у ней спроси.

— Бабушка! вреть дѣдка, что въ школу меня?

— Въ школу-то? Отецъ велитъ отдавать по осени,—сказала бабушка, усаживаясь на завалинкѣ,—поучись, сынокъ! ничего не сдѣлаешь... о-хо-хо!

— То-то вотъ, братъ... Ты моли теперь Бога, Лешутка,—смѣясь заговорилъ дѣдъ,—чтобъ не больно ужъ лють попался тебѣ учитель. Ежели тамъ на дню раза два-три трепанеть сгоряча за волосья да на колѣнки постановить, это, прямо говори, милость Божья, а не учитель.. Эхъ, вспомнишь покойника Максима Митрича, дьячка, училъ онъ насъ. Плетка у него была ременная; такъ, бывало, и ходить съ нею кругомъ ребятъ; жиганеть, бывало—такъ до потолка прыгнешь. Здорово хлесталь, царство ему небесное!.. А то на горохъ на колѣнки постановить... Солono доставалась у него наука, охъ, солono!..

Лешутка, недвижно сидѣвшій до сихъ поръ и съ ужасомъ внимавшій дѣду, вдругъ вскочилъ на ноги; рѣшительнымъ огонькомъ блеснули его глаза.

— Не пойду я въ твою школу! самъ ступай!—крикнулъ онъ.

Дѣдъ глянулъ на Лешутку и засмѣялся, а бабушка покачала головой.

— Ишь, ерой какой! „Не пойду!“ Не пойдешь, такъ силкомъ поведутъ, какъ бычка на веревочкѣ. Мать поведетъ, а бабка сзади хворостиной будетъ подгонять...

— Ну, замололъ! Что ты зря малаго пугаешь?—вступилась бабушка—Не слушай ты его, Леня!

Лешутка, утирая кулакомъ глаза, перебрался поближе къ бабушкѣ.

— Бабушка, я не пойду учиться!—тихо, со слезами, произнесъ онъ.

— Отецъ велить, Леня, — ласково заговорила бабушка, глядя Лешутку по головѣ: — можетъ, придется тебя на сторону куда отправить, къ хозяину. Что дома-то? Какія у насъ тутъ дѣла? А безъ грамоты, вишь ты, никуда теперь не берутъ... Ничего, ты дѣдкѣ-то много не вѣрь, смѣется онъ надъ тобой... Иди-ка спать, уморился, вѣдь, за день-то...

— Не пойду я!..—мрачно бурчалъ про себя Лешутка, улегшись на сѣновалѣ рядомъ съ Костькой, — а поведутъ, — я убѣгу, вырвусь и убѣгу!—пришла ему вдругъ счастливая мысль. На душѣ полегчало.—А то что-же! Убѣгу и убѣгу! Ладно...—И, убаюканный этою мыслью, Лешутка быстро уснулъ.

II.

Послѣ Ильина дня Лешутка зажилъ на всей вольной волюшкѣ: запускалъ змѣя, бѣгалъ по улицѣ съ вертушками; уходилъ съ удочкой ловить ершей, окуней, пискарей и прочую немудреную рыбицу.

Удить въ селѣ, среди гомона купающихся ребятъ и полоскающихъ бѣлье бабъ, Лешутка не любилъ. Захвативъ добрую краюху хлѣба, онъ уходилъ версты за двѣ отъ села, —туда, гдѣ рѣчные берега сплошь заросли ивовыми кустами. У него были тутъ облюбованныя мѣстечки, которыя онъ такъ и называлъ — „своими мѣстечками“, и былъ твердо увѣренъ,

что, кромѣ него, ихъ никто никогда не знавалъ, и никто никогда не разыщетъ.

Такъ проводилъ онъ послѣдніе дни лѣта, — нельзя сказать, чтобъ вполне беззаботно и со покойной душой. Нѣтъ-нѣтъ, и встанетъ предъ нимъ страшный вопросъ: „Неужели меня отдадутъ въ школу?“ — и засосетъ въ сердцѣ, и потемнѣетъ веселый день...

А сентябрь подбирался все ближе да ближе. Школьному сторожу Василью проходу не стало отъ ребятъ, пристававшихъ съ разспросами: „Скоро-ли молебень?“

И вотъ, наконецъ, пробилъ и для Лешутки роковой часъ. Это случилось утромъ. Лешутка готовился въ свой обычный походъ, заботливо перематывая растрепавшуюся леску, чтобъ дорогой крючки не болтались и не цѣплялись за штаны. Въ это время кто-то съ улицы застучалъ подъ окномъ ихъ избы. Лешутка бросилъ удочку и побѣжалъ къ воротамъ. Передъ избой стоялъ, постукивая палкой, десятскій Кузьма, старикъ изъ отставныхъ солдатъ, съ сердито нависшими бровями.

Кузьма былъ пугаломъ деревенскихъ ребятишекъ; боялись они его пуще волка; стоило кому-нибудь среди купающихся ребятъ крикнуть: „Кузьма идетъ!“ — какъ все въ одну минуту выскакивали изъ воды, хватали на бѣгу рубашонки и штанишки и, не чуя ногъ отъ страха, летѣли кто куда. Только забѣжавъ на какой нибудь огородъ, чуть не задохнувшись отъ бѣшенаго бѣга, парнишка останавливался и, пугливо озираясь, начиналъ одѣваться; и тутъ часто оказывалось, что вмѣстѣ со своимъ бѣльемъ захватилъ чужое или свое не все дотащилъ.

Такъ вотъ этотъ самый Кузьма стоялъ теперь у воротъ Лешуткиной избы. „Должно на сходку повѣщаетъ,“ думалъ Лешутка, посматривая изъ калитки на страшнаго Кузьму.

Окошко отворилось, и высунулась бабушка съ кускомъ хлѣба въ рукѣ.

— У, ты! а я думала—нищій стучится!—усмѣхнулась она.

— Слышь, бабка!—строго заговорилъ Кузьма:—есть что-ли, у васъ ребята? А то завтра молебень въ училищѣ.

— Есть, касатикъ, есть.

— Ну, такъ завтра послѣ обѣдни гоните ихъ въ училище... Этого, что-ль, парнишку поведете?—показалъ Кузьма палкой на Лешутку.

— Этого самага,—добродушно улыбаясь, отвѣтила бабушка.

— Ну, малый, отгулялъ видно!—Кузьма сурово усмѣхнулся. —Сейчасъ цѣлый возъ свѣжаго хворосту въ училище привезли,—все для вашего брата заготавливаютъ, на всю зиму...

— Не пугай зря, Кузьма!—сказала бабушка:—онъ у насъ и такъ боится школы-то.

— Чего зря? я не зря!.. Боится? а озоровать, поди, не боится?.. Ишь, востроглазый! Вотъ погоди, попадетъ тебѣ тамъ!

И, погрозивъ Лешуткѣ палкой, Кузьма привычной торопливой походкой пошелъ прочь. Лешутка, остолбенѣвъ отъ страха, недвижно смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ты Кузьму-то, Лешутка, не слушай: зря онъ брешетъ, такой ужъ человѣкъ...

— Не пойду я!—вдругъ отчаянно вскрикнулъ Лешутка и громко разрыдался. Бабушка принялась было увѣщевать его.

— Не пойду! не пойду!..—не слушая ея и мотая головой, отчаянно выкрикивалъ Лешутка.

Плача и утирая рукавомъ слезы, поспѣшно собралъ онъ свои рыболовныя снасти и бѣгомъ пустился изъ дому къ „своимъ мѣстечкамъ.“—Не пойду я!..—всю дорогу, не переставая, плачущимъ голосомъ твердилъ онъ.—Убѣгу—и все!..

Придя на мѣсто и закинувъ удочки, Лешутка поуспо-

коился. Ерши клевали хорошо, и это его утѣшило и разве-селило. „Сюда въ кусты завтра и убѣгу! тутъ меня не сыщешь“,—думалъ онъ, таская ершей. „Сапоги обую, кофту бабушкину возьму... спички возьму!“ Лешутка даже просіялъ отъ этой мысли. „Костерь разведу... рыбы себѣ напеку... А они пусть тамъ меня ищутъ,—небось, спокаются!.. А потомъ бабушку одну подстерегу и скажу:—Не будете въ школу посылать, такъ останусь съ вами жить, а то опять убѣгу.—Небось, рады будутъ... только не уходи“...

Когда, уже вечеромъ, Лешутка возвращался домой, онъ чувствовалъ себя не только вполне спокойно, но даже весело. Задуманный на завтра побѣгъ представлялся ему теперь дѣломъ весьма легкимъ и даже весьма пріятнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Чеховъ.

ЧЕХОВЪ былъ родомъ съ юга. Родился онъ ровно 50 лѣтъ тому назадъ въ Таганрогѣ, маленькомъ портовомъ городѣ, на берегу Азовскаго моря.

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства,—говорилъ Антонъ Павловичъ и не любилъ вспоминать то время, когда былъ ребенкомъ.

И дѣйствительно, невесело жилось ему въ родномъ городѣ. У отца его была мелочная лавка, и Антошу, вмѣстѣ съ его старшимъ братомъ Сашей, стали посылать туда, когда они были еще совсѣмъ маленькими мальчиками. Семья была бѣдная, дѣтей шестеро, отецъ всю жизнь бился изъ-за куска хлѣба и требовалъ, чтобы дѣти съ малыхъ лѣтъ тоже трудились и

приучались къ дѣлу. А дѣло было нелегкое и очень скучное, особенно для такого мальчишка, какимъ былъ Антоша.

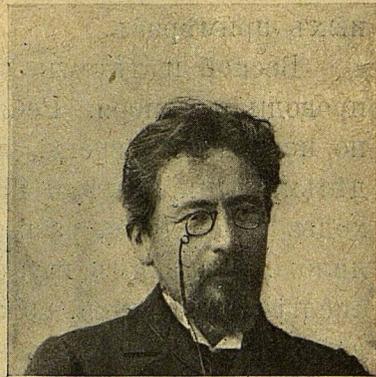
Здоровье у него всегда было слабое, а лавку отпирали въ пять часовъ утра и запирали не раньше одиннадцати вечера. Цѣлый день Антоша проводилъ въ душномъ, тѣсномъ и темноватомъ помѣщеніи, отпуская товаръ мелочнымъ покупателямъ. Торговля была хлопотливая и надоѣдливая. Въ лавочкѣ, какъ и во всѣхъ лавочкахъ маленькихъ городовъ, торговали и чаемъ, и селедками, и масломъ, и гвоздями, и леденцами, и керосиномъ, и помадой, и лимонами, и баранками.

Покупатель въ этихъ лавкахъ человѣкъ бѣдный и расчетливый, покупаетъ на трудовую копейку, долго торгуется, слѣдитъ, чтобы его не обмѣрили и не обвѣшали. Съ такимъ покупателемъ много хлопотъ.

А тутъ еще подъ мелочной лавочкой было помѣщеніе, гдѣ торговали чаемъ, виномъ и водкой. Приходилось и туда бѣгать. Антоша съ братомъ выбивались изъ силъ. Были у нихъ помощники, Андрюшка и Гаврюшка, два крестьянскихъ мальчишка, отданныхъ въ лавку въ ученье за харчи да за платье. Но съ этими помощниками была бѣда. Оставить ихъ безъ надзора было невозможно.

„За ними нуженъ глазъ да глазъ, а не то, того и гляди, эти помощники первымъ долгомъ всѣ леденцы слопаютъ“, говорилъ отецъ.

Когда Саша съ Антошей поступили въ гимназію, ихъ отпускали изъ лавки только на часы ученья. Мальчишки даже

А. П. Чеховъ.

уроки готовили за стойкой. Въ лавкѣ говоръ, споры, шумять посѣтителѣ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ пьютъ чай и вино, пахнутъ селедками, керосиномъ, а Антоша гдѣ-нибудь въ уголкѣ твердить заданный урокъ. Отецъ на ученье былъ строгъ. Требоваль, чтобы сыновья, разъ за нихъ платять, учились бы, какъ слѣдуетъ. Бѣгать и шалить совсѣмъ не позволялось. „Отъ бѣготни только сапоги собьешь“, говорилъ отецъ. Торговля у него шла не бойко, и купить сапоги не всегда было легко. Къ товарищамъ мальчиковъ не пускали. Боялись дурныхъ примѣровъ.

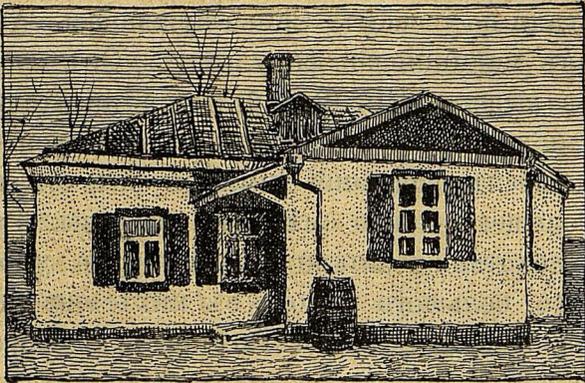
Весной и лѣтомъ вся таганрогская дѣтвора цѣлые дни проводила у моря. Ребятишки безъ конца купались, бродили по песчаному берегу, лежали на солнцѣ. Пристань кишѣла дѣтьми. Они глазѣли на русскіе и заграничныя суда и пароходы, слѣдили за разгрузкой товаровъ. Много судовъ приходило съ сладкимъ грузомъ. Изъ Греціи и Италіи привозились апельсины, финики, рожки, коринка и фисташки. Все это грудами складывалось въ амбары, а потомъ развозилось по всей Россіи. Что не помѣщалось или шло прямо въ продажу, сваливали просто у входа въ складъ. Желтѣли наваленныя грудами апельсины, чернѣли цѣлыя кучи коринки, рожковъ. Въ воздухѣ пахло фруктами, пряностями. Хорошо было у моря на пристани. Ребятишки толклись здѣсь по цѣлымъ днямъ.

А Саша съ Антошей все сидѣли въ лавкѣ. Сидѣли и зимой, когда отъ холода стыли пальцы, потому что печки не было, сидѣли весной, когда море дѣлалось синимъ-синимъ, цвѣли каштаны, распускались тополи и во всѣ щели проникалъ запахъ сирени и бѣлой акаціи. Дальше пустыря за домомъ, заросшаго дикой коноплей и бурьяномъ, мальчикамъ забираться не удавалось. Да и туда попадали не часто, а когда попадали, то здѣсь ловили щегловъ. Это было ихъ

единственное развлеченіе. Свободной минутки не было у мальчиковъ, особенно послѣ того, какъ отецъ помѣстилъ ихъ въ церковный хоръ. Онъ былъ человѣкъ очень набожный и любилъ церковное пѣніе. Мальчики не пропускали службъ, ходили къ ранней обѣднѣ, а вечерами иногда чуть-что не ночью бѣгали на спѣвки.

Невеселое было у Антоши дѣтство, а потомъ пошло и еще хуже.

Торговья дѣла отца совершенно разстроились. Въ Таган-

Домикъ въ Таганрогѣ, гдѣ родился Чеховъ.

рогъ провели желѣзную дорогу. Торговые порядки измѣнились. Прежде зерновой хлѣбъ подвозили хохлы на лошадахъ. Эти подвозчики хлѣба и были главными покупателями въ лавкѣ Чехова, а теперь все перетянула къ себѣ желѣзная дорога. И отецъ рѣшилъ попробовать счастья. Нанялъ сарайчикъ возлѣ вокзала и открылъ тамъ новую лавочку. Въ эту новую лавочку онъ посадилъ Сашу, уже гимназиста шестого класса, и Антошу, только что перешедшаго въ четвертый. Какъ разъ въ это время были каникулы.

„Господи, что мы за несчастный народъ! Товарищи на каникулахъ отдыхаютъ, купаться ходятъ, рыбу удятъ, а мы какъ каторжники“,—жаловались мальчики.

И ужъ не знали, чего и хотѣть. Успѣхъ въ торговлѣ казался иногда хуже провала. „Если торговля пойдетъ, изъ гимназіи совсѣмъ возьму“, сталъ теперь часто поговаривать отецъ.

Но торговля не пошла. Пришлось закрыть обѣ лавочки; домъ, который построили, когда Антошѣ было три года, заложили и переѣхали въ Москву. Братья поступили въ университетъ и бѣгали по урокамъ. Семья нуждалась. Антонъ Павловичъ выбралъ медицинскій факультетъ. Онъ собирався быть докторомъ, а вышелъ изъ него большой писатель.

Писать и печатать онъ началъ въ университетѣ. Уже на другой годъ послѣ окончанія гимназіи онъ сталъ писать коротенькіе, большею частью смѣшные рассказы. Рассказы нравились, ихъ охотно печатали и читали съ удовольствіемъ, но настоящаго, большого Чехова въ нихъ еще не было.

Солнечный югъ и родной Таганрогъ, и море, и пестрая шумливая и суетливая южная толпа были ему чужими. Онъ не любилъ ихъ. Свое близкое родное нашель онъ въ сердцѣ Россіи, въ ея срединной полосѣ. И сѣверная природа, и сѣверные люди были близки его съ дѣтства опечаленной душѣ. Онъ полюбилъ сѣверъ, и любовь открыла ему многое.

Въ рассказѣ „Степь“ Чеховъ такъ говоритъ про одного парня-подводчика:

„Зрѣніе у Васи было поразительно острое. Онъ видѣлъ такъ хорошо, что бурая пустынная степь была для него всегда полна жизни и содержанія. Стоило ему только взглянуть вдаль, чтобы увидѣть лисицу, зайца, дрохву или другое какое-нибудь животное, держащее себя подалеже отъ людей. Не-

мудрено увидѣть убѣгающаго зайца или летающую дрохву—это видѣлъ всякій проѣзжавшій степью, но не всякому доступно видѣть дикихъ животныхъ въ ихъ домашней жизни, когда они не бѣгутъ, не прячутся и не глядятъ встревоженно по сторонамъ... Благодаря такой остротѣ зрѣнія, кромѣ міра, который видѣли всѣ, у Васи былъ еще другой міръ, свой собственный, никому недоступный“.

То же самое можно сказать и про самого Чехова. Любовь заставила его увидеть много такого, чего онъ не замѣчалъ раньше. Много незамѣтныхъ маленькихъ жизней разглядѣлъ онъ, а талантъ далъ ему возможность такъ рассказать о нихъ, что и намъ эти жизни, о которыхъ мы и не думали, стали вдругъ близкими, родными. Телеграфистъ съ маленькой станціи, ямщикъ, вожатый въ товарномъ вагонѣ съ быками, извозчикъ, писарь, захолустный фельдшеръ, всѣ эти маленькіе люди—герои рассказовъ Чехова.

Разсказывая объ ихъ всегда печальной жизни, Чеховъ описываетъ ее намъ такъ, что мы не только видимъ душу этихъ людей, но и начинаемъ понимать, почему они несчастны, печальны, почему жизнь ихъ сложилась именно такъ, а не иначе.

Вотъ угрюмый неразговорчивый почтальонъ. А что его сдѣлало такимъ? А вотъ что: онъ одиннадцать лѣтъ ѣздитъ все назадъ и впередъ и все по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ. Отвезетъ почту, и опять назадъ. И такъ безъ конца и въ лѣтніе дни, и въ суровыя осеннія ночи, и зимой, когда тройку съ воемъ кружитъ злая мятель.

Или описываетъ Чеховъ грузовой вагонъ:

Холодъ. Изъ всѣхъ щелей дуетъ. За стѣной быки спокойно тѣсняются и стучатъ рогами о стѣны. А дома и тепло, и чисто, и мягко. Тяжело вожатому, и быкамъ не легко: чет-

веро сутокъ ничего не ѣли, изнемогають отъ жажды, вагонной качки, голода, тоскуютъ.

Чеховъ повсюду подмѣчаетъ страданіе: страдаютъ люди, страдаютъ звѣри.

Одинъ изъ его незамѣтныхъ героевъ, мужикъ, говоритъ другому:

— Жалко, братуша, и земли, и лѣса, и неба, и тварь всякую жалко, а пуще всего людей.

Съ такою же жалостью и Чеховъ относится ко всему окружающему. Все страдаетъ, значить, все и надо жалѣть.

Но главное страданье въ томъ, что люди не знаютъ, зачѣмъ живутъ и зачѣмъ страдаютъ.

Въ разсказѣ „Степь“ девятилѣтній мальчикъ Егорушка, котораго увезли изъ дома и везутъ въ какую-то гимназію учиться, мучится главнымъ образомъ потому, что ничего не понимаетъ: и что такое гимназія—не понимаетъ, и зачѣмъ нужно въ ней учиться,—тоже не понимаетъ. Было такъ хорошо, уютно дома,—и вдругъ увезли отъ всего милаго, и ѣдетъ онъ по безконечной степи на облучкѣ безрессорной ветхой брички, подпрыгиваетъ, какъ чайникъ на канфоркѣ, и ничего не понимаетъ—кромѣ того, что ему невыносимо. Только, когда уже въ городъ пріѣхали, священникъ отецъ Христофоръ, тотъ, кто привезъ его, сказалъ ему, наконецъ, понятное:

„Учись со вниманіемъ, старайся науки постичь, а потомъ уже Богъ укажетъ тебѣ чѣмъ быть: докторомъ, инженеромъ или чиновникомъ“. Отъ этого понятнаго сразу сдѣлалось легче на душѣ.

Когда люди страдаютъ, то почти всѣ дѣлаются отъ этого слабыми и жалкими, теряются, плачутъ, не знаютъ за что хватиться. Но случилось разъ Чехову проѣзжать по деревнѣ, какъ разъ во время голода. Кажется, и такъ довольно заму-

чены крестьяне, замучены тяжкимъ трудомъ, отъ котораго по ночамъ болить все тѣло, жестокими зимами, тѣснотой. А тутъ еще голодъ, настоящій голодъ, отъ котораго люди пухнуть.

И что же?

Чеховъ смотрѣлъ и удивлялся:

Нигдѣ ни растерянности, ни плача, ни брани, кругомъ тишина, порядокъ жизни.

„Нѣтъ такого бѣдствія, которое могло бы побѣдить этихъ людей“! съ восторгомъ и любовью говоритъ онъ.

И когда потомъ, много лѣтъ спустя, когда онъ уже жилъ въ Крыму, до него дошла вѣсть, что на Волгѣ голодъ, ему страшно захотѣлось помочь крестьянамъ, которыхъ онъ любилъ, и онъ сталъ собирать пожертвованія, писалъ о голодѣ, устраивалъ спектакли, концерты и вечера въ пользу голодающихъ.

Чеховъ писалъ не для дѣтей, но о дѣтяхъ часто писалъ. Собственное тяжелое дѣтство сдѣлало его чуткимъ къ дѣтской жизни, и нѣкоторыя изъ его вещей вполне доступны дѣтямъ. Разказы эти: „Каштанка“, „Ванька“, „Мальчики“, „Дѣтвора“, „Событіе“ и „Степь“.

„Каштанка“ это разказъ изъ жизни собаки, попавшей случайно къ клоуну.

Каштанка живетъ у столяра. Житье ея неважное. Кормятъ плохо, а подъ сердитую или пьяную руку случается иногда, что и побьютъ. Но вотъ, какъ-то разъ Каштанка теряется на улицѣ. Измученную и голодную, ее подбираетъ человѣкъ, оказавшійся клоуномъ. Клоунъ даетъ въ циркѣ представленія съ учеными животными. У него есть и гусь, и свинья, и котъ. Обращается онъ со звѣрями, какъ съ людьми. Звѣри его любятъ, и онъ любитъ звѣрей. Каштанкѣ у новаго хозяина живется много лучше, чѣмъ у стараго. Кормятъ досыта, не обижаютъ, и пріятели есть. Каштанка передружилась

со всѣми. И вдругъ гусь умираетъ. Клоунъ, наскоро обучивъ кое-чему Каштанку, беретъ ее на представленіе въ циркъ. Здѣсь съ галерки ее узнають старые хозяева: столяръ ея сыномъ Федюшкой. Федюшка кричитъ: „Каштанка!“ и Каштанка, не помня себя отъ любви къ старымъ хозяевамъ, бросается къ нимъ. Пускай кормятъ не досыта, пускай обижаютъ, пускай бьютъ, — ея вѣрное собачье сердце все простило, и она счастлива, что опять нашла своихъ любимыхъ.

Чеховъ очень любилъ собакъ, и это чувствуется въ его „Каштанкѣ“. У него всегда были собаки въ домѣ. Какъ-то жили двѣ: одна глухая, а другая слѣпая. А потомъ у него были двѣ таксы. Одну звали Бромъ, другую—Хина. Чеховъ былъ докторъ и названія далъ имъ чисто докторскія.

Въ другихъ разсказахъ говорится о дѣтяхъ.

„Ванька“—это мальчикъ, отданный въ ученіе къ сапожнику. Ему девять лѣтъ. Мать его Пелагея, горничная, жила съ нимъ въ помѣщичьемъ домѣ, а потомъ умерла. Сироту сначала спровадили въ кухню къ дѣду—ночному сторожу, а потомъ въ Москву къ сапожнику.

Ночью подъ Рождество всѣ куда-то разошлись. Ванька остался одинъ. Вспомнился ему домъ, вспомнилась деревня съ бѣлыми крышами и струйками дыма, деревья въ инеѣ вспомнились, сугробы... Дѣдъ старый вспомнился. Одинъ онъ у мальчика остался. И рѣшилъ Ванька ему письмо написать. Все въ этомъ письмѣ онъ дѣду разсказалъ. Всю свою жизнь описалъ: и подмастерья-то надъ нимъ смѣются, и хозяинъ бьетъ чѣмъ попало. А ѣды нѣту никакой. Спать велятъ въ сѣняхъ, а когда ребяенокъ ихній плачетъ, и совсѣмъ нельзя спать—надо качать люльку. „Милый дѣдушка, сдѣлай Божецкую милость, возьми меня отсюда домой“, такъ кончаетъ Ванька свое письмо.

„Я буду тебѣ табакъ тереть, Богу молиться, а если что, то сѣки меня, какъ сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Ѳедьки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣту, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею“.

На конвертѣ Ванька пишетъ:

„На деревню дѣдушкѣ“ и для большей вѣрности прибавляетъ еще: „Константину Макарычу“. Сдѣлавъ это, онъ бѣжитъ на улицу и опускаетъ письмо въ почтовый ящикъ.

Ему сказали, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ ихъ развозятъ по всей землѣ ямщики на почтовыхъ тройкахъ съ колокольцами.

Въ „Мальчикахъ“ разсказывается, какъ два гимназиста начитались Майнъ-Рида и собрались удрать въ Америку. Одинъ изъ нихъ называетъ себя Монтигомо—Ястребиный коготь. Это настоящій герой, онъ ни передъ чѣмъ не отступаетъ: рѣшилъ бѣжать—и кончено. Никого ему не надо, ничего ему не жалко. Второй мальчикъ въ другомъ родѣ. Этому „блѣднолицему брату“ жалко и мамы, и сестеръ, и всего домашняго, и просто страшно бѣжать куда-то, гдѣ индѣйцы нападаютъ на поѣзда, гдѣ дрожить земля отъ бѣгущихъ черезъ пампасы бизоновъ, а въ это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржутъ... А тутъ какъ разъ сочельникъ... елка... „Блѣднолицый братъ“ плачетъ, но все-таки бѣжитъ съ Монтигомой. Съ вокзала ихъ торжественно возвращаютъ домой. Вотъ и весь разсказъ. Очень это интересно и смѣшно написано.

Въ „Дѣтворѣ“ разсказано, какъ дѣти играли въ лото и, послѣ всякихъ ссоръ и даже драки, всѣ мирно заснули вповалку на маминой постели. Это прекрасная картинка изъ дѣтской жизни. „Степь“—это исторія поѣздки девятилѣтняго Егорушки въ гимназію.

Вотъ какой писатель вышелъ изъ Антоши, просидѣвшаго все дѣтство въ мелочной лавочкѣ. Его жизнь похожа на сказку. Слава пришла къ нему быстро. Скоро послѣ того, какъ онъ началъ печатать свои произведенія, его признали за большаго писателя. И денегъ у него стало довольно. Онъ купилъ себѣ хуторъ въ любимой имъ средней полосѣ Россіи. Съ нимъ жилъ на покоѣ его отецъ, жила мать, любимая сестра, наѣзжали братья. Были у него и друзья, и близкіе люди, съ которыми онъ могъ поговорить обо всемъ, что любилъ, что его интересовало.

И вдругъ пришла бѣда.

Чеховъ заболѣлъ. Оказалось, что у него чахотка. Онъ самъ былъ докторъ и сразу понялъ, чѣмъ боленъ, и насколько боленъ. На сѣверѣ ему жить дольше было невозможно. Надо было перемѣнить жизнь, разстаться со всѣмъ любимымъ и ѣхать на югъ. Чеховъ такъ и сдѣлалъ. Продавъ свой хуторъ подъ Москвой и переѣхавъ въ Ялту.

Въ одной изъ его театральныхъ пьесъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ такъ:

„Будемъ терпѣливы, будемъ сносить испытанія, которыя посылаетъ намъ судьба, будемъ трудиться для другихъ, не зная покоя“...

Такъ поступалъ самъ Чеховъ.

Никогда онъ не жаловался, всегда старался скрывать свои страданія и никому не показывалъ, что боленъ. Ровный, ласковый и внимательный былъ онъ со всѣми. Покорно сидѣлъ въ Крыму, потому что у него были больныя легкія, но

душой рвался на сѣверь. У него въ кабинетѣ висѣла картина художника Левитана, простой видъ изъ средней Россіи. Эта картина была его любимая.

И работалъ онъ, несмотря на болѣзнь, все такъ же, если даже не больше, чѣмъ прежде. Много прекрасныхъ вещей написалъ онъ совсѣмъ больной. Ни болѣзнь, ни тоска не мѣшали ему трудиться. Онъ и въ болѣзни оставался „большимъ“ Чеховымъ, какимъ сдѣлали его талантъ и любовь.

Умеръ онъ за границей. Поѣхалъ полечиться и умеръ, но хоронить его привезли въ сердце Россіи—въ Москву и похоронили въ древнемъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, подъ тѣнью любимыхъ имъ березъ.

Провожало его столько народа, что всѣхъ не пропустили на кладбище но, когда его опускали въ могилу, толпа не выдержала, хлынула и, точно огромная волна, разлилась по могиламъ около того мѣста, гдѣ его хоронили. Могиль не стало видно: живые люди заслонили ихъ. Видны были только безчисленные взволнованные лица, обнаженные головы, да кресты надъ ними среди деревьевъ. Особенно много было молодежи. Она пришла поклониться писателю, который рассказывалъ о сѣрой, печальной жизни, но рассказывалъ о ней такъ, что вызывалъ у людей желаніе сдѣлать эту жизнь другой, желаніе трудиться и бороться за то, чтобы жизнь стала настоящей, прекрасной и яркой.

П. Мамаевъ.

Исторія воздухоплавания.

(Продолженіе).

Мягкіе дирижабли.

ФРАНЦУЗСКІЙ ученый, капитанъ Ренаръ, относился на смѣшливо къ соединенію *парусины, газа и желъза* въ дирижабляхъ и признавалъ только *мягкіе* соединенія. „Воздушный экипажъ долженъ состоятъ изъ *мышка и газа*“, говорилъ онъ.

По его мысли построено нѣсколько дирижаблей—„Городъ Парижъ“, „Городъ Нанси“ и другіе.

Эти дирижабли отъ *полужесткихъ* отличаются тѣмъ, что все металлическое снято и замѣнено мягкими мѣшками съ газомъ, а двигатель (моторъ) и воздушный винтъ помѣстили отдѣльно въ гондолѣ.

Самъ баллонъ, впереди заостренный, а позади тупой—имѣетъ въ длину 28 саженьей.

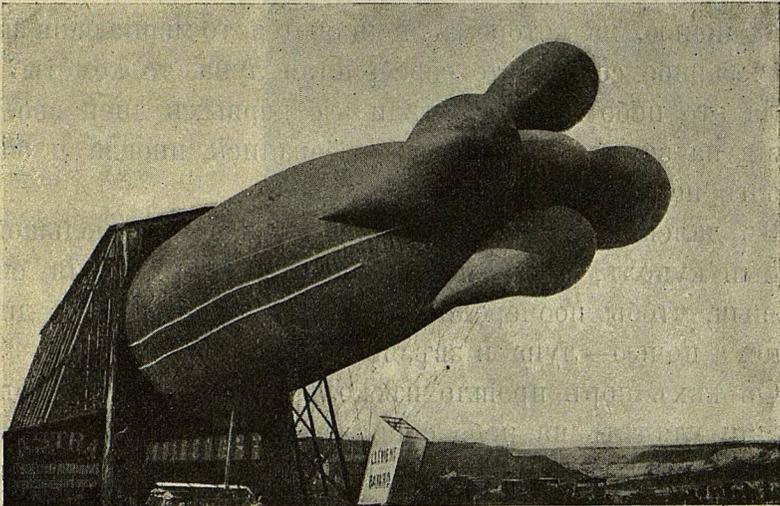
Замѣчено, что при полетѣ такіе баллоны стремятся поднять носъ вверхъ. На другихъ дирижабляхъ (*полужесткихъ*) для предупрежденія этого прикрѣплялись стабилизаторы въ видѣ плавниковъ, но на *мягкихъ*—плавниковъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ помѣщено нѣсколько наружныхъ баллонетовъ. (Здѣсь на рисунокѣ въ видѣ кубышекъ).

Эти баллонеты своимъ узкимъ концомъ входятъ въ большой баллонъ, поэтому, когда надувають баллонъ, надуваются и наружные баллонеты. Они своею легкостью тянутъ хвостъ дирижабля вверхъ и предохраняютъ его отъ опусканія и отъ качки сверху внизъ (килевой). А внутри большого баллона помѣщается еще и другой баллонетъ—предохранитель: онъ помогаетъ сохранять постоянную форму дирижаблю.

(Теперь получено новое извѣстіе, что внутри дѣлаютъ *два*

баллонета и вмѣстѣ они занимаютъ третью часть большого баллона).

Долго думали, какъ прикрѣпить къ такому мягкому мѣшку съ газомъ гондолу. Если прикрѣпить ее просто на мягкихъ веревкахъ, то она, свободно подвѣшенная, будетъ раскачиваться подъ баллономъ и трясти его, толкать въ разныя стороны. Чтобы избѣжать этого, гондолу устроили веретено-

Мягкій дирижабль.

образную изъ ясеневаго дерева—крѣпкую и легкую, и отъ нея къ баллону пустили стальные подвѣски.

Но тутъ явилось новое неудобство: подвѣски, въ мѣстахъ прицѣпокъ, стали оттягивать мѣшокъ и портили все дѣло.

Тогда отъ этихъ стальныхъ подвѣсокъ къ шару направили цѣлую сѣть веревокъ, которыя зацѣпили шаръ въ сотни мѣстъ.

Послѣ этого дирижабль готовъ.

На немъ совершили много удачныхъ путешествій, и Франція гордится своею системою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кометы.

II.

Пути кометъ.

А ЧТО такое само небо, которое мы видимъ и днемъ, и ночью, на которомъ появляются то мерцающія звѣзды, то лучезарное солнце, то серебристая луна, то кометы?

На это небо люди глядѣли съ первыхъ дней своего появленія на землѣ, глядѣли и любовались, иногда и боялись, но долго не понимали, что оно такое.

Въ далекія времена думали, что небо это большой стеклянный куполь, и къ нему прикрѣплены разныя свѣтила небесныя, чтобы поочередно радовать взоръ человѣка, днемъ — солнце, а ночью — луна и звѣзды.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько тысячъ лѣтъ. Люди продолжали глядѣть на небо сначала просто своими глазами, а потомъ черезъ телескопы, и при помощи ихъ увидѣли, что нѣтъ стекляннаго купола, что свѣтила небесныя къ нему не прикрѣплены, а свободно разсѣяны въ безконечномъ воздушномъ пространствѣ.

Въ этой безпредѣльности находятся солнце, луна, земля и еще нѣсколько планетъ.

Эти свѣтила составляютъ одну семью, а другія звѣзды, которыми усыпано все небо, которыя такъ красиво сверкаютъ въ ясную ночь и которыхъ насчитываютъ много тысячъ, — для насъ совершенно неизвѣстныя солнца, разбросанныя въ этой невообразимой безконечности.

А за этимъ безпредѣльнымъ пространствомъ, котораго

мы не можемъ ни понять, ни измѣрить, находятся еще такія же безпредѣльные пространства, усеянные еще миллионами другихъ звѣздъ; ихъ мы даже и не видимъ,—такъ онѣ далеко отъ насъ.

Но разсмотримъ нашу солнечную семью.

Въ серединѣ ея находится колоссальный огненный шаръ — солнце; оно вѣчно пылаетъ, и на немъ отъ сильнѣйшаго жара въ нѣсколько тысячъ градусовъ все превращено въ раскаленные газы. Отъ него во всѣ стороны идетъ свѣтъ и тепло, и наша земля, какъ и другія планеты, пользуются все́мъ этимъ.

Это пылающее солнце—сила, и потому вокругъ него носятся всѣ планеты *солнечной семьи* или — какъ принято говорить въ наукѣ — *солнечной системы*.

Ихъ всего восемь большихъ и четыреста маленькихъ.

Онѣ движутся со страшной быстротой, поддерживаются притяженіемъ солнца, и, въ свою очередь, поддерживаютъ

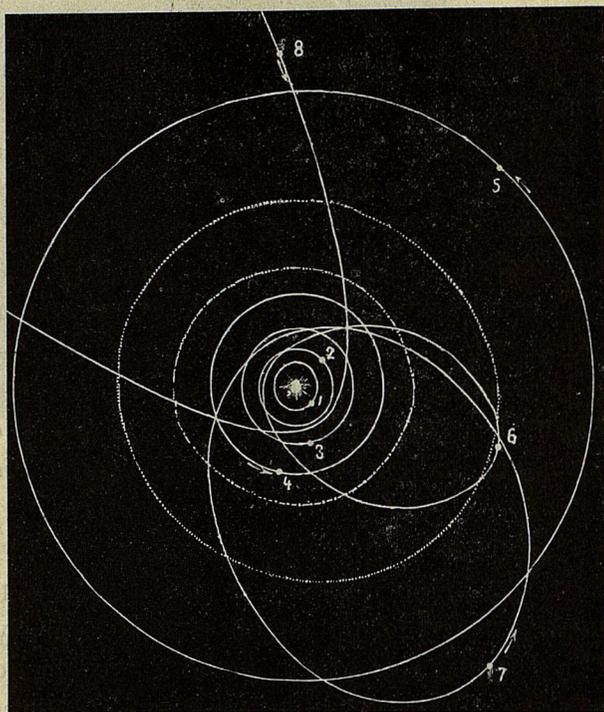

Рис. 1. Пути планетъ и кометъ.

другъ друга взаимнымъ притяженіемъ, но тяга каждой планеты во много разъ слабѣ солнца: оно всѣхъ тянетъ, оно всѣхъ держитъ.

Пути планетъ и ихъ разстоянія отъ солнца показаны на рисункѣ, но на самомъ дѣлѣ эти разстоянія равняются сотнямъ милліоновъ верстъ (рис. 1).

Планеты отъ солнца расположены въ такомъ порядкѣ: 1) Меркурій, 2) Венера, 3) Земля, 4) Марсъ, 5) Полоса малыхъ планетъ, 6) Юпитерь, 7) Сатурнъ, 8) Уранъ, 9) Нептунъ.

Каждая планета облетаетъ солнце въ опредѣленный срокъ. Земля свой путь вокругъ солнца считаетъ въ 365 дней, 6 часовъ—это и есть *годъ*. Тѣ планеты, которыя ближе къ солнцу, тѣ скорѣе совершаютъ свой оборотъ, а тѣ, которыя дальше, дольше. Самая дальняя планета. Нептунъ, свой кругъ пролетаетъ въ 165 лѣтъ.

И вотъ въ эту стройную солнечную систему, гдѣ всякая планета имѣетъ опредѣленный путь и свое время, врываются какъ бы наперерѣзъ этимъ путямъ „косматыя“ звѣзды—*кометы*.

Ученые-астрономы изучили и ихъ пути: кометы движутся или по очень удлинненнымъ кругамъ — *эллипсамъ*, или по линіи, напоминающей разогнутую дугу.

Первыя кометы рано или поздно, но снова возвратятся къ солнцу: оно ихъ удерживаетъ и притягиваетъ, и мы ихъ увидимъ. Но тѣ кометы, которыя мчатся по разогнутой дугѣ—имъ возврата нѣтъ,—онѣ къ намъ явились только на одинъ разъ, чтобы вновь потеряться въ никому неизвѣстной безднѣ.

Есть кометы, которыя проходятъ свой путь-эллипсъ въ 6, 10, 30, 100 и 3000, а можетъ быть и болѣе лѣтъ. Подойдутъ къ солнцу близко, обогнутъ его и вновь уйдутъ въ

противоположную сторону, въ темноту, а потомъ опять возвратятся къ очагу свѣта и тепла (рис. 2).

Если знать эти сроки, то не трудно предсказать появленіе кометы.

На рисункѣ показано, какъ пути кометъ перерѣзаютъ

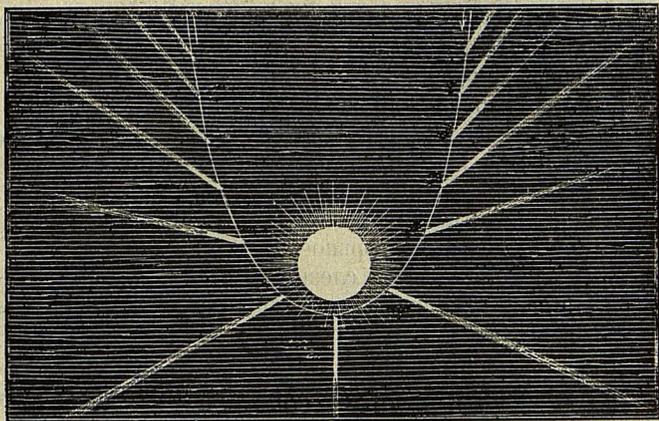

Рис. 2. Комета огибаеъ солнце.

пути планетъ, и потому понятно, что каждый разъ при ожиданіи этой странницы, возникаетъ вопросъ о встрѣчѣ съ нею или ея хвостомъ на перекресткѣ. Но вы уже знаете изъ прошлой статьи, что намъ это не опасно. *Е. Львовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

Последній звонъ вѣчевого колокола. Псковъ былъ когда-то вольнымъ городомъ. Управлялся онъ вѣчемъ, за порядкомъ слѣдилъ посадникъ. Псковъ и Новгородъ вели торговлю съ иноземными купцами и считались богатыми городами. Не понравилась Московскимъ князьямъ вольность эта и рѣшили они покончить съ нею. Іоаннъ III началъ со „старшаго брата“ Новгорода, а Василій III покончилъ съ „младшимъ братомъ“ Псковомъ.

Явился съ войскомъ, но Псковъ не защищался, не хотѣлъ напрасно кровь проливать; понялъ, что не одолѣть ему силы Московскаго князя.

Горько оплакивали Псковичи гибель свою. Съ грустью смотрѣли они на спускъ вѣчевого колокола, со слезами провожали его. Это было въ 1510 году 29 января. Ровно 400 лѣтъ тому назадъ. Такъ кончилась славная исторія „вольницы“ новгородской и псковской, но въ памяти людей остались народныя пѣсни, которыя поются тамъ до сего дня.

Вотъ пѣсня колокола:

— Вы простите, храмы Божіи,
Терема мои дубовые!
Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края имъ мѣдныя,
Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ
Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснюю грустною
Князя мнѣ Ивана въ теремѣ.

Итальянскій воздушный корабль *Ибисъ* вылетѣлъ изъ Браччіано (около Рима) и пролетѣлъ до Неаполя и обратно 520 километровъ въ 14 часовъ. *Ибисъ* очень небольшихъ размѣровъ, но въ немъ очень много разныхъ приспособленій на случай несчастій. Оболочка его, напримѣръ, раздѣлена на семь отдѣленій. Въ случаѣ разрыва оболочки въ одномъ отдѣленіи, корабль не полетитъ камнемъ внизъ, а продержится еще нѣкоторое время въ воздухѣ. *Ибисъ* имѣетъ особенный замедлитель и приспособленіе для причала къ землѣ. И къ землѣ онъ прикрѣпляется лучше всѣхъ другихъ воздушныхъ кораблей. Онъ не прикрѣпляется веревками неподвижно (сильный вѣтеръ всегда можетъ разорвать самыя крѣпкія связи), а привязывается, точно лошадь за поводъ такъ, что отъ вѣтра только поворачивается во всѣ стороны.

Выставка вещей изъ мертваго города. Въ 22-мъ номерѣ „Тропинки“ 1909 г. уже говорилось о замѣчательной экспедиціи въ Монголію нашего путешественника полковника П. К. Козлова. Теперь въ помѣщеніи географическаго общества (Петербургъ Демидовъ, 8) какъ разъ открылась выставка всѣхъ интересныхъ вещей, привезенныхъ имъ изъ засыпаннаго песками мертваго города Хара-хото. Здѣсь выставлены и божки, которымъ поклонялся невѣдомый, давно исчезнувшій съ лица земли таинственный народъ; выставлены почти совсѣмъ истлѣвшія деньги, сотни лѣтъ пролежавшія въ землѣ. Особенно много привезено книгъ. Есть и клише для рисунковъ, и наборы для книгъ. Все это сдѣлано такъ хорошо, что и теперь годится для печатн. Очень интересна эта выставка вещей, которымъ много много сотенъ вѣковъ.

Ученикъ 6-го класса одной изъ виленскихъ частныхъ гимназій изобрѣлъ аэропланъ, который недавно показывалъ передъ начальствомъ. Аэропланъ, пробѣжавъ нѣсколько метровъ, поднялся на высоту 3-хъ метровъ и пролетѣлъ метровъ 15.

Сообразительная лошадь. Про одного шотландскаго пони рассказываютъ слѣдующее: одинъ учитель въ маленькомъ англійскомъ городкѣ привезъ изъ Шотландіи пони, чтобы ѣздить на немъ на уроки, такъ какъ жилъ онъ довольно далеко отъ школы. До тѣхъ поръ лошадь никогда еще не ковали, и учитель отдалъ ее подковать кузнецу. На другой день кузнецъ вдругъ видитъ, что пони явился къ нему совершенно одинъ. Думая, что лошадь забрела случайно, онъ сталъ ее прогонять и даже бросалъ каменшки, чтобы заставить ее вернуться домой. Лошадь ушла, но едва только кузнецъ принялся за работу, какъ лошадиная голова заглянула къ нему въ раскрытую дверь. Кузнецъ всталъ, чтобы опять прогнать надоедливаго гостя, и вдругъ ему бросилось въ глаза, что у пони на одной ногѣ нѣтъ подковы. Тогда онъ подковалъ лошадь. Съ секунду пони глядѣлъ на кузнеца, какъ бы спрашивая, готово ли, потомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, пробуя, хорошо ли сидитъ новая подкова, а потомъ радостно заржалъ, поднялъ голову и пустился домой крупной рысью. Хозяинъ лошади былъ очень удивленъ, когда вечеромъ увидѣлъ ее подкованною на всѣ четыре ноги. Только черезъ нѣсколько дней, зайдя въ кузницу, онъ узналъ, до чего уменъ его пони.

Какъ медвѣдица спасла своихъ медвѣжатъ. За одною медвѣдицею съ двумя медвѣжатами гнались охотники. Мать всячески торопила своихъ неповоротливыхъ дѣтенышей. Она ихъ подталкивала, кусала, несла поочередно. Наконецъ, когда медвѣжата совсѣмъ выбились изъ силъ, она стала бросать ихъ по очереди впередъ. Отбросить, какъ можно дальше, а медвѣженокъ встанетъ и ждать новаго толчка, мать добѣжитъ и опять отброситъ его. Такъ и спаслись всѣ трое. Охотники никакъ не могли ихъ нагнать.

На защиту тюленей. Тюлени пропадаютъ. Въ Беринговомъ морѣ, гдѣ еще 25 лѣтъ тому назадъ ихъ стада состояли изъ миллионовъ головъ, теперь, благодаря постоянной безчеловѣчной охотѣ, ихъ собирается только тысячи. И вотъ, чтобы спасти этихъ животныхъ отъ окончательнаго истребленія, американцы собираются созвать съѣздъ, на которомъ будутъ представители Россіи, Японіи и Англии, т. е. тѣхъ странъ, которыя охотятся на тюленей. На этомъ съѣздѣ будутъ обсуждать новыя правила для охоты. Будетъ, между прочимъ, совсѣмъ запрещено убивать матерей и дѣтенышей. Благодаря этой мѣрѣ, возможно, что животныя эти будутъ еще спасены.

Почта „Тропинки“.

Письмо воеьмое.

Милая Тропинка!

Жить намъ приходится среди глухихъ Керженскихъ лѣсовъ. А семья у насъ не маленькая: Галѣ пять лѣтъ— Катѣ десять, а между ними еще Боря, Вѣра, Шура. Длинные зимніе вечера. И вотъ мы заполняемъ ихъ, какъ умѣемъ. Выписываемъ нѣсколько дѣтскихъ журналовъ и съ интересомъ ихъ прочитываемъ. Ведемъ и свой домашній журналъ „Кому что нравится“.

Интересно, кто еще изъ читателей Тропинки участвуетъ въ домашнемъ или товарищескомъ журналѣ, и какъ эти журналы называются?

Посылаемъ стихи мамы, написанные въ нашемъ журналѣ. Можетъ быть и Тропинка ихъ напечатаетъ. Хорошо-бы, если-бы и другія дѣти прислали что-нибудь изъ своихъ домашнихъ журналовъ, а Тропинка бы напечатала и помѣтила, откуда это взято.

Катя съ мамой.

Преданіе о Свѣтломъ озерѣ.

Разскажу вамъ сегодня, родные, Я про старые годы былые: Недалеко отъ насъ Свѣтло озеро есть, И идетъ про него всюду чудная вѣсть. Въ годы тяжкіе и печальные, Когда Матушка Русь разорялася, Злымъ татаровьемъ полоянлася, Среди темныхъ лѣсовъ нашихъ Керженскихъ

Стоялъ чудный градъ—Китежъ звался онъ.

Разгулялася сила темная, Разоряла она города, села.

И добралися злые нехристи И до славнаго града Китежа. А въ томъ городѣ, въ православнымъ Тогда спрятался отъ татаровьевъ Православный князь, да Егорій Всеволодовичъ;

Съ нимъ же заперлись и всѣ жители, Что въ густыхъ лѣсахъ поселилися.

А княгинюшка во обители Съ дѣтми малыми затворилася...

Раздавалися во густыхъ лѣсахъ Свистъ, и гиканье, и ауканье:

То несмѣтная сила недруговъ На святую Русь поднималася.

Ужъ добралася и до Китежа Погань страшная—рать Батыева,

И молилися князь со княгинею, А за ними то и всѣ жители.

Чтобы Богъ простилъ согрѣшенія, Чтобы принялъ ихъ всѣ моленія

И послалъ-бы всѣмъ христіанскую смерть. Тутъ свершилося диво-дивное:

Не успѣли еще на коней вскочить Тѣ татарскіе да наѣздники,

Какъ нашъ славный Китежъ волей Божіей Опустился вдругъ на дно озера,

А на мѣстѣ томъ, на чудеснымъ, Гдѣ церковей кресты, теремовъ рѣзьба

Красовалися,—появилоса Свѣтло озеро. Злы татаровья испугалися,

Испугалися—разбѣжались. А чудесное Свѣтло озеро

И до сей поры въ православной землѣ Собираетъ къ себѣ богомольцевъ тьмы.

А вода его—какъ хрусталь чиста. И еще говорятъ старцы Божіи,

Будто разъ въ году—во Иванову ночь Людямъ слышится колокольный звонъ,

Онъ доносится со дна озера, Гдѣ стоять и до днесъ церкви Божія...

.

Люди темные, неученые
Крѣпко вѣрятъ въ то, что здѣсь сказано,
А мнѣ нравится этотъ вымыселъ
Вѣрой крѣпкою, мыслью свѣтлою,
Красотой своей несказанною.

Мама.

Керженскіе дѣса.
1910 г., 13 Января.

Письмо девятое.

М О Р Е.

Мы живемъ въ Севастополѣ. У меня есть три сестры и два брата. Въ двѣнадцати верстахъ отъ нашего города, на берегу Чернаго моря находится Георгіевскій монастырь, куда очень многіе ѣздятъ на прогулку. Однажды, это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ, папа сказалъ намъ, что мы поѣдемъ въ этотъ монастырь. Ахъ, какъ мы были рады этому! Намъ очень хотѣлось вырваться куда-нибудь изъ города и особенно хотѣлось взглянуть отъ монастыря на открытый просторъ моря. 26 сентября рано утромъ всѣхъ насъ разбудила мама и сказала намъ, что-бы мы справились въ путь. Скоро къ воротамъ нашего дома подъѣхала просторная линейка, на которую мы сѣли и поѣхали. Была прекрасная погода. Солнце такъ и сіяло и прेमилло ласкало своими теплыми лучами. На небѣ ни одного облачка. Воздухъ былъ наполненъ синевагой дымкой. Море на всѣмъ его видимомъ пространствѣ было спокойно. Когда мы отъѣхали отъ города версты на двѣ, лошадь пошла шагомъ. Намъ было очень весело, мы соскакивали съ экипажа, перегоняли лошадь, рвали цвѣты, бѣгали, смѣялись, а потомъ стали пѣть пѣсни. Такъ проѣхали мы незамѣтно половину дороги и потомъ увидали

вдали колокольню монастыря. До приближенія къ этой колокольнѣ однакожь мы не видѣли передъ собою ничего необыкновеннаго, хотя намъ и было очень весело: такая же проселочная дорога, какую могутъ видѣть вездѣ въ Россіи, такіе же кустики по сторонамъ. Но когда мы, пріѣхавъ въ монастырь, подошли къ этой колокольнѣ, то передъ нами внезапно открылась необыкновенная чудная картина, которую не вездѣ найдешь. Мы оказались на самомъ краю высокаго морского берега. Глубоко подъ нашими ногами, сажень на триста ниже насъ, подъ крутымъ обрывистымъ берегомъ начиналось море, которое разстилалось предъ нами на необозримое пространство. Его нѣжно голубой цвѣтъ былъ очень приятенъ для глазъ. Вѣдь море несравненно красивѣе всякой рѣки или озера; именно вслѣдствіе цвѣта своей воды.

Одна часть моря, влѣво отъ насъ, искрилась и серебрилась подъ лучами солнца. Нѣсколько минутъ мы стояли на одномъ мѣстѣ и любовались открывшимся видомъ. На самомъ берегу стояли столикъ со скамейками, сюда монахи намъ подали самоваръ, и мы стали пить чай. Это чаепитіе было самымъ необыкновеннымъ въ нашей жизни. Глотая чай, мы сморѣли, то на огромныя желтыя скалы, выступавшія въ море, то на бѣлыхъ чаекъ, летавшихъ ниже насъ, то на огромный паруходъ, шедшій по морю и казавшійся намъ съ горы очень маленькимъ, а къ шипѣнію самовара примѣшивался шумъ моря, несшійся съ низу.

О томъ, какъ мы провели этотъ день, напишу въ другой разъ.

Мики Абакумовъ.

г. Севастополь.

11 лѣтъ.

На вопросы, предложенные Борисомъ Здорикомъ, получены слѣдующіе отвѣты:

- Отъ Андрея Сиреліусъ 11 л.* (СПБ.). *Отъ Толи Асѣева 8 л.* (г. Льговъ).
- 1) Быть—военнымъ.
 - 2) Любимое дѣло—ученье.
 - 3) Любимая игра—лото.
 - 4) Больше всего боюсь—неправду.
- Отъ Бори Варыпаева 9 л.* (Село Рябчики).
- 1) — Охотникомъ.
 - 2) — Охотиться.
 - 3) — Лапта.
 - 4) — Змѣй.
- Отъ Евгениі Малиновской 9 л.*
- 1) — Буду артисткой.
 - 2) — Дѣлать цвѣты изъ бумаги.
 - 3) — Нѣтъ определенной игры.
 - 4) — Не могу отвѣтить.
- Отъ Гали Пльшиковой 8 1/2.*
- 1) — Актрисой.
 - 2) — Читать и рисовать.
 - 3) — Представлять пьесы своего сочиненія.
 - 4) — Боюсь смерти.
- Отъ Толи Асѣева 8 л.* (г. Льговъ).
- 1) — Инженеромъ.
 - 2) — Рисованіе построекъ.
 - 3) — Играть въ лошадки и волну-ющееся море.
 - 4) — Боюсь собакъ и коровъ.
- Отъ Ольги Иссерсонъ 7 л.*
- 1) — Докторомъ или балериной.
 - 2) — Ариѳметика.
 - 3) — Играть съ моей маленькой сестрой Марой.
 - 4) — Боюсь больше всего злой собаки или сильнаго грома.
- Отъ Ольги Малиновской 6 л.* (Отвѣты продиктованы сестрѣ)
- 1) — Буду писательницей.
 - 2) — Нѣтъ определенного дѣла.
 - 3) — Играть въ куклы и въ звѣрей.
 - 4) — Боюсь собаки.

Народныя пѣсенки на февраль.

I.

Солнышко-ведрышко, выгляни изъ-за горы,
 Выгляни, красное, до весенней поры!
 Видѣло ль ты, ведрышко, красную весну,
 Встрѣтило ли, красное, ты свою сестру?
 Видѣло ли солнышко старую ягу,
 Бабу ли ягу, вѣдму зиму?
 Какъ она, лютая, отъ весны ушла,
 Отъ красной бѣжала, въ мѣшкѣ стужу несла?
 Холодъ на землю трясла, сама оступилась,
 На льду поскользнулась, въ воду провалилась,
 Провалилась, старая, встрѣтивши весну,
 Красную весну, солнцеву сестру.

II.

Пришелъ мѣсяць бокогрѣй.
 Землю-матушку погрѣлъ,
 Бокъ коровъ обогрѣлъ.
 И коровъ, и коню,
 И сѣдому старику,
 Морозу Морозовичу.
 Ты, морозко, не сердчай,
 Изъ деревни убѣгай.

„Вѣстникъ Кооперациі“. Открыта подписка на 1910 годъ, на выходящій четыре раза въ годъ научный журналъ, издаваемый С.-Петербурскимъ Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, подъ общей редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. При прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 2-ой годъ издавія. Цѣлью журнала является выясненіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также систематизированіе и опубликованіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ кооперативнаго движенія въ Россіи и заграничій. Подписная плата съ доставкой и пересылкой на годъ 4 рубля. Народнымъ учителямъ, духовенству и учащимся дѣлается скидка съ подписной платы въ 25%. Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Имѣются полные комплекты журнала за 1909 годъ. Цѣна 3 руб. Отдѣльныя книжки журнала за 1909 годъ по 75 коп. Объявленія принимаются по расцѣнкѣ 50 руб. за страницу. Приемъ подписки и объявленій производится въ конторѣ и редакціи журнала С.-Петербурга, Невскій. 120.

„Игрушечка“. Открыта подписка на 1910 годъ, на ежемѣсячный дѣтскій иллюстрированный журналъ для средняго возраста, XXVI годъ издавія. При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ особый отдѣлъ „Для Малютокъ“ (12 книжекъ въ годъ). Подписчики „Игрушечки“ получаютъ въ 1910 году въ видѣ бесплатнаго приложенія: 1) Юбилейный сборникъ (25-лѣтія „Игрушечки“). 2) Альбомъ-книжку „Чѣмъ наполнить досугъ дѣтей“. Въ этомъ альбомѣ-книжкѣ будутъ помѣщены самыя разнообразныя занятія для дѣтей. 3) 12 художественныхъ картинъ галереи „Игрушечки“. Годовая подписная цѣна: „Игрушечка“ съ доставкой и пересылкой 3 р., за границу—5 руб., „Игрушечка“ съ особымъ отдѣломъ „Для Малютокъ“ 5 руб., за границу—7 р. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Игрушечка“: С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., 29 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Редакторъ А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова. Издатель А. К. Штуде.

„Красныя Зори“. Дѣтскій иллюстрированный журналъ, VI-й годъ издавія. 1-е изданіе цѣна 3 руб. съ пересылкою; за границу—5 руб. 24 №№ издѣльно-иллюстрированнаго журнала 12 страничныхъ картинъ извѣстныхъ русск. и иностр. художниковъ. 12 картинокъ на отдѣльныхъ листахъ—типы разныхъ народовъ, мѣстностей, а также снимки съ натуры и оригинальныхъ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. 6 книжечекъ „Дѣтской бібліотеки“ и интересно составленный сборникъ для зимнихъ и лѣтнихъ занятій и работъ, какъ дома, такъ и на открытомъ воздухѣ. 2-е изданіе даетъ все то же, только на простой, тонкой бумагѣ. Цѣна 2 руб. Подписка принимается въ Главныхъ Конторахъ: С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 16 и Екатерининскій каналъ, 29, а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Редакторъ А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова. Издатель А. К. Штуде.

„Христіанинъ“. Принимается подписка на 1910 г. на ежемѣсячный духовно-нравственный литературный журналъ. При журналѣ „Христіанинъ“ имѣются два приложенія: для молодыхъ людей: „Молодой Виноградникъ“ и (общее) „Братскій Листокъ“. Условія подписки: для С.-Петербурга съ дост. на годъ 3 руб., на полг. 1 р. 60 к., на 1 мѣс. 30 к. Для всѣхъ частей Росс. Имп. на годъ 3 р. 60 к., на полг. 2 руб., на 1 мѣс. 35 коп. За границу: на годъ 5 р., на полг. 3 р., на 1 мѣс. 50 к. Цѣна отдѣльныхъ номеровъ безъ пересылки 30 коп., съ пересылкой 40 коп., съ наложеннымъ платежомъ 50 к. Подписчики получаютъ какъ премію брошюру: „Росписаніе ежедневныхъ чтеній Слова Божія на 1910 г.“ и книгу Бетекса: Что вы думаете о Христѣ? Статьи и сообщенія просятъ адресовать на имя редактора Ивана Степановича Проханова, Чернышевъ пер., д. № 12. Подписныя деньги, заявленія о перемѣнѣ адреса и объявленія—по адресу: Т-во „Радага“, С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 40.

„Утренняя Звѣзда“. Выходитъ еженедѣльно по пятницамъ. Прогрессивный органъ религіознаго пробужденія русскаго народа. Религія, Политика, Общественная жизнь, Наука, Литература. Условія подписки: въ г. С.-Петербургѣ на годъ 2 р. 50 к., на полг. 1 р. 40 к., на 1 мѣс. 30 коп. Для иногороднихъ: на годъ 3 руб., на полг. 1 р. 65 к., на 1 мѣс. 35 к. Заграничій: на годъ 5 руб., на полг. 3 руб., на 1 мѣс. 50 к. Главная цѣль журнала заключается въ томъ, чтобы въ хорѣ различныхъ голосовъ, раздающихся въ русской общественной жизни, сдѣлать слышнымъ также и голосъ новой прогрессивно-религіозной Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для детей и юношества, основанные С. М. АКАРОВОЙ и издаваемые под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. С.“ для детей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: большая стѣнная картина „НИЧЬЯ“ влад. Харламова; 12 новѣйш. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черн. листахъ; 12 илл. книжекъ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОНЪ; 12 вып. „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ“; „МАЛЕНЬКИЙ РУССКИЙ НАТУРАЛИСТЪ“; игра „СТЕПНА-РАСТРЕПКА“ и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСІЯЯ МОДА“.

Подписная цѣна каждого изданія «Задушевнаго Слова», со всеми объявленными преміями и приложениями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ рублей.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ля М. О. Вольфа — С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

Гг. годовые подписчики журнала „З. С.“ для детей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина — „ПОДАЙТЕ СЛѢПОМУ“; 12 малюстр. ил. ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юношества. 8 вып. „КНИГИ ЗНАМЕНИТ. ЛЮДЕЙ“; 6 вып. „ГОЛУБАЯ ВОЛНА“; — Л. А. Чарской; „БИБЛ. ЮНГО НАТУРАЛИСТА“; „НАЛЕНДАРЬ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ“ съ записной книж. и мн. др.

2 р.

ЗА ГОДЪ — 6 рублей, РАЗСРОЧКА — по 2 рубля.

Словарь литературныхъ типовъ. Въ составъ каждого выпуска входятъ: 1) Биографическая канва; 2) Подробныя характеристики въ освѣщеніи автора и критики, библиографія; 3) Указатель всѣхъ типовъ и образовъ (краткія характеристики всѣхъ второстепенныхъ образовъ и лицъ); 4) Перечень произведеній съ историко-литерат. справками; 5) Сводъ нарицательныхъ именъ; 6) Группировка типовъ. Редакція Н. Д. Носкова. Сотрудники: Адриановъ, С. А. проф., Боцяновскій, В. Ф., Вейнбергъ, А. А., Измайловъ, А. А., Каперевъ, Н. А., Лебедевъ, Н. Н., Лернеръ, Н. О., Либровичъ, С. Ф., Львовичъ, В. Л., Мартиросовъ, С. Е., Майеръ, Н. В., Носкова, Е. К., Носковъ, Н. Д., Поварнинъ, И. С., прив.-доц., Урванцовъ, Л. Н. Цѣна въ отдѣльной продажѣ: Вып. 1—2, „Литературные типы Тургенева“ — два рубля. Вып. 3, „Литературные типы Лермонтова“ — одинъ рубль. Вып. 4, „Литературные типы Гоголя“ — одинъ рубль 25 коп. Вып. 5, „Литературные типы Аксакова“ — одинъ рубль. Вып. 6, „Литературные типы Грибоедова“ — одинъ рубль. Подписная цѣна на 24 выпуска съ доставк. и перес. двадцать четыре рубля. Разсрочка: 6 р. при подпискѣ и по 3 р. послѣ выхода 5, 8, 11, 14, 17 и 20-аго выпуска. Или 2 р. задатокъ; при полученіи первыхъ 4-хъ по 1 р. и при полученіи каждого изъ послѣдующихъ по 90 к. наложеннымъ платежемъ (наложенный платежъ по 10 к. за счетъ заказчика). Высылка выпусковъ налож. плат. безъ задатка производится по дѣйствительной ихъ стоимости въ отдѣльн. продажѣ. Пересылка за счетъ Конторы. Контора: С.-Петербургъ, Николаевская ул. 4, кв. 30.

Отъ конторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемая въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукопись, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее: *Зин. Венгеровой „Донъ-Кихоть“*, *З. Н. Гиппиусъ „Полетѣли“* (о воздухоплаваніи), *Е. П. Иванова „Черный мельникъ“*, *П. Инфантьева „На родинѣ первыхъ людей“*. (Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азіи), *И. С. Кондуришкина „Сказка о четырехъ вѣтрахъ“*, *Кл. В. Лукашевичъ „Нелюбимая подруга“*, *Н. И. Манасеиной „Цербетская принцесса“*. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II), *Проф. М. И. Ростовцева „Олимпийскія игры“*, *П. Соловьевой („Аллего“) „Царевна Земляничка“* (пѣса въ стихахъ), *Н. Л. Шатицъ „Въ зоологическомъ саду“* и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднѣе 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасеина*.

